
ПО СТРАНИЦАМ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

УКРАИНСКИЕ ЛЕТОПИСИ

Н. П. Ковальский, Ю. А. Мыцьк

Культура трех братских народов — русского, украинского и белорусского — развивалась на основе достижений культуры Древнерусского государства. Ярким ее проявлением, своеобразными памятниками письменности, общественной мысли и источниками являлись летописи. Исконными центрами древнерусского летописания были Киев и Новгород. Древнейшей летописью, сохранившейся до нашего времени, является Повесть временных лет, в которой рассказывается о Древней Руси до конца XII века.

Феодальная раздробленность XII—XIII вв. привела к прекращению общедревнерусского летописания и его развитию в местных центрах — Владимире-на-Клязьме, Суздале, Ростове, Чернигове, Галиче, Владимире-Волынском, Турове, Полоцке и др. Наряду с ними продолжало существовать летописание в Киеве, Новгороде. Древнерусское летописание оказало значительное влияние на последующие летописные тексты (XIV—XVII вв.) в России, на Украине, в Белоруссии как по форме, архитектонике, целенаправленности, так и по использованию сюжетов древнерусской истории. Памятником южнорусского летописания, в котором отразились события XI—XIII вв., является древнерусский летописный свод, дошедший до нашего времени в Ипатьевской, Хлебниковской и других летописях. В состав свода включены летописи Киевского княжества 1200 г., Черниговская князя Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве», и Галицко-Волынская.

Нашествие батыевых орд на Русь в XIII в. нанесло невосполнимый ущерб памятникам древнерусской культуры. Единственной из юго-западных русских земель, сохранившей самостоятельность, было Галицко-Волынское княжество, где продолжалось летописание, завершенное 1292 годом. В XIV—XV вв. на основе древнерусской формировались три новые народности — великорусская, украинская и белорусская, между которыми сохранялись связи¹. Решающее значение в истории восточноевропейских народов имело объединение русских земель вокруг Москвы, героическая борьба русского народа с ордынским игом, Куликовская битва 1380 г., образование Русского централизованного государства.

В сложной политической и международной обстановке, используя ослабление и разобщенность Руси, соседние государства — Польша и Великое княжество Литовское — усилили в XIV—XV вв. экспансию по отношению к украинским и белорусским землям. Польскими феодалами были захвачены Галицкая Русь (1340, 1349, 1387 гг.), часть Западной Волыни (1377 г.), Западной Подолии (1430 г.). Закарпатскую Украину в XIII—XIV вв. захватили венгерские феодалы. Большая часть украинских земель на протяжении XIV в. попала под власть Великого княжества Литовского. Поскольку в его составе периода наибольшего величия ⁹/₁₀ составляли русские, украинские и белорусские земли, древнерусский язык (с элементами народного украинского и белорусского) стал официальным, что благоприятно сказалось на развитии культуры восточнославянских народов и способствовало их взаимообогащению. Поэтому летописи Великого княжества Литовского являются одновременно достоянием как литовской, так и

¹ Крипякевич И. П. Зв'язки західноукраїнських земель з Росією до середини XVII в. Київ. 1953; Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М. 1982; Ковальский Н. П. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI — первая половина XVII в.). Днепропетровск. 1985.

украинской, русской, белорусской культуры,² хотя в дальнейшем усиливается их дифференциация, намечается выделение своих летописных текстов и сюжетов. Вместе с тем отмечается наличие в летописях Великого княжества Литовского известий по истории России и Украины, а в украинских — сюжеты по истории России и Белоруссии.

От XIV в. не сохранилось оригинальных памятников украинского летописания. Однако в источниках иногда встречаются косвенные следы летописного творчества того периода. Так, имеются упоминания о Мукачевской хронике XIV—XV вв., созданной в Закарпатье. В одном из списков Густынской летописи содержится указание на то, что ее основным источником — Летопись Нестора — переписывался в 1340 г. в Киеве³. Кроме того, тогда и позднее (XV—XVII вв.) распространялись в оригиналах и переводах иностранные исторические сочинения, преимущественно польских хронистов, в особенности Б. Ваповского, М. Меховского, М. Бромера, М. и И. Бельских, М. Стрыйковского, А. Гваньини и др. По определению дореволюционного слависта И. Первольфа, в то время «ни у одного другого славянского народа не находим в его историографии столько известий о других славянских народах, сколько в исторической литературе польской»⁴. Это в равной мере касается истории и географии украинских земель. Процесс обогащения исторической информацией был взаимным. Впоследствии составители украинских летописей широко привлекали известия из сочинений польских хронистов, а последние использовали в качестве источников памятники украинской историографии. То же относится к летописям Великого княжества Литовского.

Первым памятником, оразившим историю Великого княжества Литовского, был Летописец великих князей литовских, создававшийся с конца XIV по 20-е годы XV века. В нем содержатся известия, касающиеся истории украинских земель, в частности Киевского княжества, но особый интерес вызывает повесть «О Подольской земле»⁵. В ней освещается прошлое Подолья, начиная с освобождения этой земли от ордынского ига великим князем литовским Ольгердом в результате победы у Синих Вод в 1363 г., до событий начала 30-х годов XV века. Рассказывалось и о передаче Подолья в удел князю Кориату и его потомкам, об их градостроительной и военной деятельности. Создание повести относится к первой половине XV века. В памятнике обосновывались права великих князей литовских на Подолье. Вместе с тем эта повесть доказывала справедливость борьбы, проводимой православными литовскими, белорусскими и украинскими феодалами во главе со Свидригайло в годы его пребывания на великокняжеском престоле (1430—1432 гг.) и позднее (1432—1440 гг.) против Польского королевства и ориентировавшихся на него литовских феодалов. Характерно, что в этой борьбе Свидригайло поддерживали народные массы Волыни и Подолья, не желавшие установления на южных землях Великого княжества Литовского господства польских магнатов и шляхты.

В 1446 г. был создан первый летописный свод Великого княжества Литовского. Его предвляло обширное введение, в котором содержалось освещение истории Киевской Руси с древнейших времен, а также истории Московского и Литовского государств. В 20-е годы XVI в. была предпринята новая попытка написания истории Великого княжества Литовского. На базе первого летописного свода появился второй — Хроника Великого княжества Литовского и Жемойтского. Вторая, пространная редакция этого свода возникла в 40-е, а третья, наиболее полная — в 50-е годы XVI века⁶. Интерес создателя второго летописного свода к Гедиминовичам и литовской аристократии не помешал ему включить в состав своего труда ряд сюжетов по истории Древней Руси и украинских земель XIV — начала XVI века. Их источниками послужили древнерусские летописи, в первую очередь Галицко-Волынская, а также местные. Так, в пространной редакции второго свода, лучше всего представленной в Румянцевской и Тихонравовской летописях, имеются разделы под названиями: «О великом князе Гедимине и о

² См. Улащик Н. Н. Белорусско-литовское летописание. — Вопросы истории, 1984, № 12.

³ Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР в Киеве (ОР ЦНБ), № 315/687, л. 2.

⁴ Первольф И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 2. Варшава. 1888, с. 101.

⁵ ПСРЛ. Т. 35. М. 1980, с. 65—67, 159—160.

⁶ Чамярыцкі В. А. Беларускае летапіс як помнікі літаратуры. Мінск. 1969, с. 134—135.

битве с князем Володимером володимерским», «О князи Станислави киевском», в которых описывалась история завоевания Гедимином Киева, Владимира-Волынского, Луцка, Житомира и других городов в 1320 году. В этом же своде есть сведения о борьбе Витовта с киевским князем Владимиром Ольгердовичем; о неудачной битве литовских войск с ордынскими у р. Ворсклы в 1399 г.; об отвоевании Дашком (Данилом) Федоровичем Кременца у польских войск и освобождении Свидригайло из заточения в 1418 г.; о захвате ханом Менгли-Гиреем Киева в 1482 г.; о Сокальской битве 1519 г. и др.⁷

Особое место в украинском летописании принадлежит Краткой Волынской летописи. Она входит в состав сборника начала XVI в., первая часть которого — общерусская летопись, охватывающая события от расселения восточнославянских племен по 1382 г. (разорение Москвы Тохтамышем); вторая же⁸ — свод, история создания которого представляется в следующем виде. В 1498—1517 гг. киевским митрополитом был Иосиф Солтан, до того — смоленский епископ. В 1514 г. некое духовное лицо из его окружения произвело выборку известий, относящихся главным образом к истории Киевского и Смоленского княжеств с 882 г. до конца XV в., из какой-то московской летописи. При этом большое внимание уделялось церковной истории, в частности истории Киево-Печерской лавры, различным «знамениям» и «чудесам». Когда же автор освещал события конца XV — начала XVI в., то полагался главным образом на собственные впечатления. В киево-смоленской части свода он касается состояния русско-литовских отношений, симпатизируя Ивану III, которого называл «великим самодержцем всея земли Руское», и в какой-то мере осуждая великого князя литовского Витовта и польского короля Казимира Ягайловича за то, что первый «пленил» Смоленск, а второй казнил невинных князей Михайла Олельковича и Ивана Юрьевича. Необходимо учитывать, что на политические симпатии и антипатии летописца наложили отпечаток концепции московского источника.

В том же 1514 г. киево-смоленская часть свода была слита с другим источником — Краткой Волынской летописью, охватывающей события с 1487 по 1500 год. Создателем последней, по всей вероятности, был священнослужитель церкви во Владимире-Волынском, близкий к владимирскому епископу Вассиану. Круг интересов автора не выходит за пределы Волыни и частично Подолья, местом действия фиксируемых им событий являются преимущественно Владимир-Волынский, Острог, Луцк, Ровно, Брацлав, Корец, Кременец и Полонное. Его внимание привлекли два сюжета: борьба волынян против турецкой агрессии и события церковной истории, в частности избрание киевским митрополитом Макария в 1495 г. и его трагическая гибель. Особенно выделяется рассказ о событиях 1496—1497 годов. При их описании автор использовал и свои впечатления, и свидетельства других очевидцев. Так, вспоминая о тайной встрече польского короля Яна Ольбрахта с литовским князем Александром в 1496 г., он ссылается на информацию, полученную им от «некоторых вельмож их».

Характерную черту мировоззрения создателя Краткой Волынской летописи составляет провиденциализм. Набег крымцев на Волынь в 1495 г. он объясняет божьим гневом и рассуждения на этот счет подкрепляет ссылками на св. писание. «Знамение божье» усматривает он и в победах, одержанных над Крымской ордой в 1497 г. князьями Михайлом и Константином Острожскими. Он осуждает короля Ольбрахта за поход в Молдавию и Буковину, т. к. его войска совершили «много зла... церквам и образам божим, срам и писанию предати».

К Краткой Волынской летописи была присоединена (не ранее 1515 г.) «похвала» князю Константину Ивановичу Острожскому, который был тогда великим литовским гетманом. Автор «похвалы» был, вероятно, светским лицом, стоявшим на пролитовских позициях. Он восторгается победами, одержанными князем Острожским, сравнивает его с Антигоном, полководцем Александра Македонского, армянским царем Тиграном II Великим и даже с библейскими героями.

В 30-е годы XVI в. был создан третий общегосударственный летописный свод Великого княжества Литовского, т. н. Хроника Быховца. В ней дано более полное по сравнению с I и II сводами освещение истории этого княжества, в том числе находившихся под его властью украинских земель.

⁷ ПСРЛ. Т. 35, с. 193—214.

⁸ Там же, с. 113—127.

Как для русского, так и для украинского и белорусского летописания характерно широкое распространение хронографов, удовлетворявших возросший интерес читателей к событиям всемирной истории, включая историю славянских и прибалтийских народов. Первый известный нам опыт создания оригинального хронографа на Украине и в Белоруссии относится к середине XVI века. Тогда был переписан Виленский хронограф — свод, который охватывал события древней истории до взятия Иерусалима римским императором Титом в 70 году⁹. Значительно большую популярность получил хронограф, составленный между 1550 и 1596 гг., который обозначают иногда как «западнорусский»¹⁰, хотя точнее называть его украинским хронографом I редакции. В его создании использован, как полагали А. А. Шахматов, В. М. Истрин, С. П. Розанов, хронограф 1442 г. серба Пахомия Логофета. По мнению О. В. Творогова, неизвестный автор исходил из русского хронографа 1512 года.

В украинском хронографе I редакции резко сокращены сведения по библейской и древнерусской истории, истории Великого княжества Московского. Наибольшее же внимание уделено средневековой истории стран Центральной и Западной Европы, изложение событий доведено до 1532 года. Дополнительный исторический материал автор черпал из Влиинского летописца II редакции, составленного в Суздальской Руси в первой половине XIII в.; из хроники И. Малалы, Жития Стефана Лазаревича, Хроники всего мира (1550 г.) Марциана Бельского¹¹. Автор украинского хронографа I редакции стремился также поместить на его страницах известия, которые помогли бы украинскому и белорусскому читателю в борьбе с наступавшим католицизмом.

В результате Люблинской унии (1569 г.) украинские и белорусские земли оказались под властью Речи Посполитой, которая установила на них режим жестокого социально-экономического, политического, национального и религиозного угнетения народных масс. Правящие круги Речи Посполитой и римская курия пытались ослабить традиционные связи между восточнославянскими народами, усилить свое идеологическое влияние, добиться ополячивания и окатоличивания местного населения. С этой целью они провели в 1596 г. религиозную унию. Все это вызвало крестьянско-казацкие восстания на Украине в конце XVI — первой половине XVII в. во главе с К. Косинским, С. Наливайко, М. Жмайло, Т. Трясило, И. Сулимой, П. Павлюком, Я. Острианином и Д. Гуней. В ходе ожесточенной борьбы против иноземного гнета появилась плеяда украинских писателей-полемистов — И. Вышенский, Х. Филалет, Г. и М. Смотрицкие, З. Копыстенский и мн. др. В своих публицистических произведениях они подвергали резкому осуждению политику Ватикана и Речи Посполитой, разоблачали католический и униатский клир, отстаивали право восточнославянских народов на национальную и религиозную самобытность. Их идеи были развиты летописцами.

Это относится прежде всего к Густынской летописи¹² — первому обобщающему произведению по истории Украины. Она интересна и тем, что в ней отразились черты, характерные для переходного периода — от летописания к исторической науке. Густынской летописью называется по одному из списков, созданному в 1670 г. Михаилом Лосицким, иеромонахом Густынского монастыря (с. Густынь, ныне в черте г. Придуки). Автором летописи предположительно был писатель-полемист Копыстенский (середина XVI в. — 1627 г.). Оригинал памятника не найден, но выявленные к настоящему времени около 10 его списков и редакций позволяют восстановить его текст¹³. Летопись начинается с рассказа о происхождении восточнославянских народов, а также их соседей: литовцев, ятвягов, хазар, печенегов, татар и др. Далее освещается история Древней Руси, особенно южнорусских княжеств. События с конца XIII в. до 1598 г. даны фрагментарно.

При написании Густынской летописи ее автор имел в своем распоряжении ряд

⁹ Мещерский Н. А. К вопросу о датировке Виленского хронографа. — ТОДРЛ, 1955, т. XI, с. 380.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XXII, ч. 2. СПб. 1913.

¹¹ Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М. 1975, с. 303; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л. 1975, с. 191, 198.

¹² ПСРЛ. Т. 2. СПб. 1843.

¹³ Есть списки Густынской летописи, еще не введенные в научный оборот: ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 3, д. 4053; оп. 4, д. 583; ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F.XVII.14.

печатных польских хроник XVI — XVII вв., «Палинодию», «Пролог», Киево-Печерский патерик, летопись типа Воскресенской, исторические предания и свидетельства очевидцев. Благодаря использованию не дошедших до нашего времени источников в летописи содержится немало оригинальных известий. Это особенно касается трех рассказов: «О начале казаков», «О перемене нового календаря», «О унѣ, како почася в Руской земли». В первом из них автор воспроизводит историю казачества, которое к концу XVI в. превратилось в мощную военно-политическую силу. В двух других летописец откликнулся на злободневные вопросы общественной жизни Украины конца XVI в.: введение религиозной унии и григорианского календаря и резко осудил политику римской курии, правящих кругов Речи Посполитой и местных феодалов-изменников. Идеи, легшие в основу Густынской летописи, оказали влияние на украинские летописи XVII в., прежде всего киевский Синописис.

Одновременно с Густынской летописью создавались и распространялись другие произведения: летописный свод 1620 г. уставника Успенской церкви на Подоле в Киеве, а затем монаха Кирилла Ивановича. В нем изложена история Древней Руси, главным образом Киево-Печерской лавры и Смоленского княжества, история Украины XIV — начала XVII века. В 1621 г. этот свод был отредактирован и дополнен киевским мещанином Богданом Балыкой, поместившим в нем свою историко-автобиографическую повесть «О Москві и о Дмитрию, царю московском ложном»¹⁴. Затем свод пополнился записями мемуарного характера некоего православного шляхтича, служившего «при боку» князя С. М. Лыко, о событиях в России 1607—1610 гг. и в Киеве в 1618—1621 гг., важными историческими документами¹⁵.

Среди летописей начала XVII в. пользовалась популярностью краткая Галицко-Волынская хроника, охватывавшая события XVI — начала XVII века. Ее фрагменты прослеживаются в Киевской, Львовской летописях, сочинении Я. Бинвилского, Острожском летописце. Ядро последнего составлено не позже 1619 г. украинским православным шляхтичем. На основе Хроники Польши (1597 г.) М. и И. Бельских и собственных воспоминаний им освещались события с 1500 года. Особое внимание было уделено борьбе запорожских казаков против турецко-татарских набегов. Не ранее 1621 г. памятник был отредактирован неким духовным лицом, добавившим материалы, направленные против католической церкви¹⁶. В дальнейшем была создана и новая (окончательная) редакция памятника, получившая название Острожского летописца. Ее автором был украинский православный монах, близкий к острожскому протопопу И. Бережанскому. Автор внес изменения в текст памятника и довел изложение событий до 1637 года. Если создатель первоначального текста интересовался главным образом военной историей, то для автора новой редакции был характерен интерес к церковным делам. Он, очевидец событий, разоблачает католицизм и унию, лицемерие и жестокость проводников политики магнатско-шляхетской Речи Посполитой и Ватикана, возвеличивает борьбу украинского народа против национально-религиозного угнетения. Это особенно присуще рассказам о деятельности митрополита Петра Могилы и князя С. Корецкого, восстании полочан против униатского архиепископа И. Кунцевича, «гонительнице православия» Анне Острожской.

Автор хроники упоминает события, происходившие в Остроге и его окрестностях, в частности, его привлекали стихийные бедствия, различные природные явления: «1614. Была сильнейшая буря, которая шла мимо Острога от Заславля. Это произошло во время жатвы, в полдень и тогда стало темно, словно ночью. Буря сокрушала девственные леса, в селах ломала сады, что было в Борисове, Плужном и других селах. Несколько сот копен княжеского хлеба буря унесла невесть куда, точно так же как и крестьянские копны. Даже людей, которые тогда работали в поле, носило выше де-

¹⁴ Антонович В. Б. Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде 1612 г. — Киевская старина, 1882, июль — сентябрь, с. 97—105.

¹⁵ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев. 1888, с. 87—92.

¹⁶ Научная библиотека им. В. Г. Короленко (Харьков), Отдел рукописей, № 819923, с. 591—602. Другой список памятника был опубликован С. П. Розановым (Розанов С. П. Кройника 1636 року. В кн.: Український науковий збірник. Вип. I. М. 1915, с. 21—29). Известно и сокращенное извлечение из памятника, продолженное до 1649 г. (Крижанівський С. Руська «Кройника» з XVII в. — Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченко, Львів, 1904, т. 62).

ревьев. Одних нашли [потом] мертвыми, а те, кто ухватился за дерево и крепко держался, остались живы. Некоторые крепко вцепились в стерню. Если им удавалось не пустить под себя воздушный поток, то они оставались в живых, а если же не удавалось, то их уносило неизвестно куда. Ломала буря и церкви. В селе Борисове была церковь с тремя куполами. Все они были снесены и утащены неведомо куда вместе со срубом. То же случилось и с колоколами, которые не скоро потом нашли пастухи в поле, и с главами, обитыми белым железом. Эти главы отыскивали потом расколотыми на четыре части. Все остальное было сокрушено бурей»¹⁷.

Сходные мотивы развивались в Львовской летописи. Ее автор М. Гунашевский (1600 — после 1672 г.) — выходец из мелкой православной шляхты, образованный человек. Летопись была написана в 1646 г., в конце 1649 или в начале 1650 г. дополнена известиями о начальном этапе освободительной войны. Памятник охватывает общеукраинские события 1539—1649 годов¹⁸. Ведущая сюжетная линия — антифеодалное национальное движение украинцев против гнета Речи Посполитой, унии, католицизма и турецкой агрессии. Особый интерес вызывают рассказы о крестьянско-казацких восстаниях под предводительством Т. Трясило, П. Павлюка и Д. Гуни.

Близко к Львовской летописи историческое сочинение Яна Бинвилского (1600—1648 гг.), выходящее из мелкой православной шляхты или из бюргерской среды. Оно писалось в 30—40-е годы XVII в., но не доведено до конца и представляет собой собрание выписок из польских хроник, древнерусской Хлебниковской летописи, Повести о взятии Царьграда турками и др. Наибольший интерес вызывают известия, источником которых послужили исторические предания, воспоминания автора и Галицко-Волынская хроника. В летописи Бинвилского¹⁹ излагается история южнорусских княжеств с древнейших времен, Украины до 1587 г., затем речь идет об истории Польши, начиная от легендарного Леха до современных Бинвилскому событий, заканчивается летопись известиями по истории Киева и выписками из Галицко-Волынской хроники, в которых рассказывалось об истории Украины с 1575 по 1638 год.

Наиболее объемным произведением XIV—XVII вв. является хронограф II редакции «Літописець си ест кройника»²⁰. Он создан неизвестным автором не позднее 20-х годов XVII в. на базе украинского хронографа I редакции. В «Літописце» освещение событий всемирной истории дополнялось изложением отечественной истории — «Славенорусской кройники». В «Славенорусской кройнике» излагались сведения о Древней Руси, в первую очередь о южнорусских княжествах и Украине до 1471 года. Автор имел в своем распоряжении печатные польские хроники, в том числе и «Компендиум» (Любеч, 1625 г.) Павла Демитровича, а также большое число источников отечественного происхождения, среди которых выделяется древнерусская летопись типа Хлебниковской, русский хронограф I редакции и особенно труд современника Нестора — «печерского летописца Вениамина», содержащий оригинальные известия об обстоятельствах взятия Киева в 1240 г. монгольскими захватчиками.

Текст хронографа II редакции в дальнейшем подвергался переработкам. По мнению Ю. П. Князькова, можно выделить три основные редакции памятника²¹. Создатель первой, представленной наиболее ранним, Московским списком²², проживал на Волыни. Его дополнения и изменения свидетельствуют о пролитовских симпатиях автора. Создатель второй, представленной Киевским списком²³, наиболее точно передающим текст несохранившегося оригинала, интересовался историей Киевского и Галицко-Во-

¹⁷ Цит. по: Бевзо О. А. Львівський літопис і Острозький літописець. В кн.: Джерелознавче дослідження. Київ, 1971, с. 132.

¹⁸ Текст памятника неоднократно публиковался по оригиналу (см. там же, с. 99—124).

¹⁹ ОР БАН СССР (Ленинград), № 4.7.25, лл. 381—427об.; см. Мыцык Ю. А. Відображення деяких подій з історії Києва в літопису Яна Бінвілського. — Український історичний журнал, 1982, № 2.

²⁰ К настоящему времени опубликованы лишь отдельные фрагменты памятника (см. ПСРЛ. Т. 32. М. 1975; Павленко Г. І. Становлення історичної белетристики в давній українській літературі. Київ, 1984, с. 232—273).

²¹ Князьков Ю. П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории. Автореф. канд. дисс. М. 1984, с. 10—14.

²² ЦГАДА, ф. 196, оп. 1, № 1638.

²³ ОР ЦНБ, № 1, 171.

льнского княжеств, Киево-Печерской лавры. Он заострил антикатолическое и антиуниатское звучание памятника. Третья редакция, относящаяся к 1699 г., представлена Черниговским списком²⁴. Его создателем был иеромонах киевского Выдубицкого монастыря Леонтий Боболинский, творивший в черниговском Троицко-Ильинском монастыре. Для списков данной редакции характерны антитурецкая направленность и подчеркивание прогрессивного значения воссоединения Украины с Россией. Украинский хронограф II редакции получил не меньшую популярность, чем I редакции. Он был известен не только на Украине, но также в России и Белоруссии.

Полоса крестьянско-казацких восстаний на Украине, начавшаяся в конце XVI в., завершается освободительной войной украинского народа 1648—1654 годов. В годы этой войны и после нее различные авторы—представители шляхты, духовенства, казачества, мещанства—пытались зафиксировать события, участниками которых они были, и определить свое отношение к ним. Для данной группы памятников исторической мысли характерны относительная независимость авторов от правительства и слабость традиций официального летописания. Не случайно в украинском летописании с середины XVII в. и далее большинство памятников освещает историю крестьянско-казацких восстаний, освободительной войны и последующих лет. Эскурсы в прошлое чаще преследуют цель отыскать корни казачества. Увеличивается количество летописей, в которых содержится обобщенное изложение отечественной истории с древнейших времен до современных событий. Эти произведения предназначались не только представителям феодальной верхушки, что типично для средневековья, но и широким читательским массам.

Пример тому «Кройника» Ф. Софоновича, игумена Михайловского Золотоверхого монастыря в Киеве в 1655—1677 гг., выпускника Киево-Могилянской коллегии, преподавателя и ее ректора (1653—1655 гг.) Автор во введении к своему труду писал: «Я считаю необходимым знать самому и поведать другим сыновьям Руси: откуда пошла Русь и как их государство, возникнув, существует по сей день. Каждому необходимо знать о своей отчизне и иным интересующимся поведать, так как людей, не знающих своего рода, считают глупцами»²⁵. Далее он дает стройное изложение истории Украины. В сочинении три части: «Кройника о Руси» (1672 г.), «Кройника о початку и назвиску Литвы» (1673 г.) и «Кройника о земли Полской» (1673 г.)²⁶. В первой части «Кройники» освещалась история Древней Руси, в основном Киевского и Галицко-Волынского княжеств, с древнейших времен до 1292 года. Во второй и третьей частях изложение событий велось на фоне истории Литвы и Польши, причем с конца XVI в. и особенно с 1648 г. основное внимание Софонович уделял истории освободительной борьбы украинского народа против магнатско-шляхетской Речи Посполитой и турецкой агрессии. Описание событий в «Кройнике о початку и назвиску Литвы» доводилось до 1533 г., а в «Кройнике о земли Полской» — до 1673 года.

В первой части, составляющей около 60% объема памятника, Софонович подчеркивал единство происхождения восточных славян, производя их от одного предка — легендарного Мосоха, «сына Иафетова, внука Ноева». Примечательно, что первыми правителями Руси он считает Кия, Щека, Хорива, их сестру Лыбедь и отбрасывает версию Повести временных лет, согласно которой Аскольд и Дир были «боярами» Рюрика: он называет их потомками Кия. Восприняв концепцию «Галич — второй Киев», хронист смотрел на галицко-волыньских князей как на преемников великих князей киевских, подчеркивал, что Роман Мстиславич и его сын Данило были «самодержавцами», и подробно рассказывал о принятии последним королевской короны. Преемниками Романа и Данилы Софонович считал представителей крупнейших украинских феодальных родов, причем князей Острожских называл прямыми потомками Данилы.

В ходе освободительной войны возникали произведения, в которых непосредственно освещались ее события (Львовская и Хмельницкая летописи, ряд кратких летопис-

²⁴ Библиотека Польской АН (Краков), Отдел рукописей, № 281. Микрофильм данного списка, содержащего «Славенорусскую кройнику», передан Ю. А. Мыцьком в ЦГИА УССР в Киеве. Другая часть списка, считавшаяся утраченной еще в XIX в., обнаружена Е. М. Апанович в ОР ЦНБ, ф. 30, № 89.

²⁵ ОР ГПБ, Собр. М. П. Погодина, № 1476, лл. 10б.—2.

²⁶ Подробнее о Кройнике, ее списках и редакциях см.: Мыцьк Ю. А. Украинские летописи XVII века. Днепропетровск. 1973, с. 16—21.

цев²⁷. Но лишь Софонович сумел создать о ней труд обобщающего характера. Одновременно завершил свое хроникально-мемуарное произведение украинский православный шляхтич Иоахим Ерлич, который в оценке освободительной войны и воссоединения Украины с Россией солидаризировался с представителями враждебного повстанцам лагеря феодально-католической реакции. Софонович же позитивно оценивал данные события, высказывая симпатии к России, осуждая католицизм, унию и деятельность некоторых гетманов, пытавшихся разорвать союз двух братских народов. Он отбрасывает прокатолические тенденции своих источников — польских хроник XVI—XVII вв., очернение в них прошлого Древней Руси и Украины и полагается на оценки отечественных источников, в первую очередь Летописи Нестора — особой редакции южнорусского свода конца XIII в., близкой к Хлебниковской, но не тождественной ей.

Эта редакция, условно названная нами «Золотоверхой», содержит в себе некоторые оригинальные известия по древнерусской истории. Она, в частности, дает ответ на вопрос о причинах бегства князя Ростислава Владимировича из Новгорода с новгородцем Пореем и киевлянином Вышатою в Тмуторакань. Отметим, что вообще в Киеве XVI—XVII вв. имели широкое хождение редакции южнорусского свода конца XIII в., родственные Хлебниковской, лучше сохранившие отдельные чтения и содержащие иногда оригинальные известия²⁸. Одна из таких летописей дошла до нашего времени целиком. Она обнаружена в 1970-е годы Я. Д. Исавичем. Ее переписка была завершена послушником киевского Пустынно-Никольского монастыря Марком Бундуrom в 1655 г., выполнившим эту работу по повелению игумена Исая Трофимовича²⁹. Завершая рассказ о «Кройнике» Софоновича, отметим, что этот памятник пользовался большой популярностью и служил источником произведений Пантелеймона Кохаловского (Синописа 1678 и 1680 гг., Хронографа 1681 г., Обширного Синописа Руского 1681—1682 гг.), Межигорской, Черниговской летописей, заметок И. Кроковского, «Ядра российской истории» А. И. Манкиева, летописи Г. И. Грабянки и сочинения Г. А. Покаса.

Первое издание Синописа вышло в свет в 1674 г., второе (1678 г.) дополнено рассказом о восшествии на престол царя Федора Алексеевича, известиями о первом приходе турецких войск под Чигирин в 1677 г. и др. Третье издание (1680 г.) было значительно расширено по сравнению с предыдущими. Синописис явился первым историческим сочинением восточных славян, напечатанным кириллицей. За 150 лет со времени его первой публикации он выдержал около 30 изданий, породивших множество рукописных копий. Синописис был незаменимым учебником по истории Древней Руси в России, на Украине и в Белоруссии, переводился на латинский, греческий и румынский языки, оказал влияние на творчество многих отечественных и зарубежных историков XVII—XVIII веков. Памятник привлекал к себе внимание и актуальным содержанием, горячим патриотизмом. В нем подчеркивалась общность исторических судеб восточных славян, содержался призыв к объединению их усилий в борьбе против турецкой агрессии в 70—80-е годы XVII века. В то же время идеология автора памятника была близка к официальной, и потому Синописису свойственны и монархизм, и крайний провиденциализм.

Источники Синописа довольно точно указал С. Л. Пештич³⁰, хотя факт использования его автором хроник Я. Длугоша и Ц. Барония не подтверждается. В то же время автор Синописа давал некоторые сообщения, пользуясь хроникой Джованни Ботеро, Киево-Печерским патериком (Киев, 1661 г.), «Paterikon»-ом С. Косова, опубликованным в Киеве в 1635 г., украинским хронографом II редакции, собственными воспоминаниями и свидетельствами очевидцев. Большую часть главы «О сем, когда в царствующем граде Москве патриаршеский престол устроился» автор Синописа заимствовал в Кормчей, которую называл «книгой правил»³¹.

²⁷ См. Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878.

²⁸ Кучкин В. А. Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны.— ТОДРЛ, 1969, т. XXIV; его же. К спорам о В. Н. Татищеве. В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М. 1971, с. 246—262.

²⁹ ОР БАН СССР, 21.2.14.

³⁰ Пештич С. Л. «Синописис» как историческое произведение.— ТОДРЛ, 1958, т. XV, с. 284—298.

³¹ Синописис. Киев. 1680, лл. 108об.—109об.; Кормчая. М. 1653, лл. 10об.—12об.

В ходе изучения Синописа исследователи постоянно пытались разрешить проблему его авторства, но ни одна из выдвинутых гипотез не является удовлетворительной. Наиболее часто автором памятника называли И. Гизеля. Последний был архимандритом Киево-Печерской лавры в 1656—1683 гг., и уже хотя бы поэтому все лаврские издания проходили через его руки, и на них наряду с именем автора ставилось и стандартное предупреждение: «по благословению... отца Иннокентия Гизеля». Гизель пользовался большим авторитетом в среде киевских ученых, и многие из них давали ему для предварительного ознакомления свои работы. Так, Софонович передал ему рукопись своего богословского труда «Выклад» «к прочтению и исправлению»³². Таким образом, роль Гизеля как редактора Синописа не подлежит сомнению, хотя в пользу его авторства никаких аргументов не приводилось. Ключ к разрешению проблемы дает материал двух фундаментальных компиляций под названиями Хронограф (1681 г.) и Обширный Синопис Руский. Их создателем, о чем свидетельствуют записи на титульных листах, был иеромонах, экононом Киево-Печерской лавры Пантелеймон Кохановский³³. Он принимал участие в избрании после смерти Гизеля лаврским архимандритом Варлаама Ясинского³⁴. Нами обнаружено также письмо монастырской братии к царю с сообщением о смерти Гизеля, последовавшей 18 ноября 1683 года. Это письмо написано тем же великолепным полууставом, что и компиляции Кохановского.

Хронограф Кохановского представляет собой список известного Тверского сборника, дополненного редакциями второй и третьей частей «Кройники» Софоновича (без указания имени последнего), фрагментов хроники А. Гваньини. Основу Обширного Синописа Руского составили редакции всех трех частей «Кройники» Софоновича, ряд статей из Синописа, отрывки из «Скарбницы» И. Гаятовского, из хроники Гваньини, а также особая редакция «Сказания о Мамаевом побоище». Таким образом, в течение полутора лет после публикации третьего издания Синописа Кохановский создал два новых труда, исторические концепции которых в точности соответствовали концепциям Синописа, что позволяет нам считать его автором данного произведения.

С конца XVII в. на Украине значительно увеличивается количество местных летописей, которые создавались преимущественно в монастырях. Так, были написаны Добромильская, Мгарская, Межигорская, Подгорецкая летописи, первоначальное ядро Черниговской летописи, летопись Густынского монастыря, а затем и Мотронинская, Сатановская и ряд других, вплоть до «Келейного летописца» Д. С. Туптала (Дмитрия Ростовского) и солидных компиляций типа «Записок, касающихся Киево-Печерской лавры» (1772 г.).

В одной из таких летописей, Хмельницкой (от г. Хмельника), ярко описано положение на Украине в 30—40-е годы XVII века. Автор сочувствует простому народу, терпевшему много лишений, голод и преследования со стороны шляхтичей. «Ели люди листья и лебеду, различные травы,— говорится в этой летописи.— Тяжело дожить бедному человеку до нового урожая». В летописи имеются образные описания остроты классовых битв на Украине, о чем может свидетельствовать следующий отрывок: «И серпы и косы [повстанцы] ковали на оружие, и не даром земля дрожала... Реки на Украине окрасились от человеческой крови, болота были наполнены людским трупом, а в городах было полно казацких трупов на кольях»³⁵.

Иную разновидность летописных произведений, созданных представителями духовенства, составляют различные реестры и перечни митрополитов, настоятелей монастырей, например, «О митрополитах русских, паче же рещи киевских», составленный между 1730—1740 гг., вероятно, тобольским митрополитом Арсением Стаховским, бывшим до того черниговским архиепископом. Во второй половине XVII — начале XVIII в. летописи все чаще создаются вне монастырских стен. В 1673 г. был завершен «Літописец», открывающий собой группу исторических произведений, авторы которых интересовались в основном историей казачества, освободительной войной украинского

³² ГИМ СССР, Отдел письменных источников, Синодальное собрание, № 1—1195 (П.—991), л. 377об.

³³ ОР ГПБ, F.IV.214; F.IV.215.

³⁴ Восток А. Акт избрания Варлаама Ясинского архимандритом Киево-Печерского монастыря.— Киевская старина, 1887, июнь, с. 574—575.

³⁵ Хмельницкая летопись. В кн.: Летопись Самовидца по новооткрытым спискам, с. 78, 81.

народа 1648—1654 гг. и событиями последующих лет³⁶ (к их числу относится и «руина»).

Начало XVIII в. ознаменовалось появлением трех крупных исторических произведений, созданных Самовидцем, Г. И. Грабянкой и С. В. Величко. Большинство исследователей считает автором летописи Самовидца Р. Ракушку-Романовского (1622—1702 гг.), занимавшего при гетмане И. Брюховецком пост генерального подскарбия. Летопись охватывает историю Украины с 1648 по 1702 год. Для ее первой части (1648—1672 гг.) характерна высокая степень обобщения событий, использование разнообразных источников. Вторая часть (1673—1702 гг.) базируется на воспоминаниях автора и свидетельствах очевидцев. Речь здесь идет о событиях, происходивших в Стародубе, тогдашнем полковом центре. Памятник включает в себе немало ценной и оригинальной информации, изложенной простым, близким к народному языком, что было высоко оценено многими историками и писателями, в том числе Т. Г. Шевченко, И. Я. Франко, П. А. Кулишом, О. М. Бодянским, Н. Н. Петровским и др.

Одна из особенностей летописи Самовидца — ее светский характер, рациональный стиль изложения. Автору удалось создать широкую панораму событий, происходивших на Украине, уловить многие важные закономерности исторических явлений, о чем свидетельствует, к примеру, известие о всенародном характере освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.: в полках Б. Хмельницкого «было бесчисленное множество воинов. В ином полку было и более 20 тысяч казаков, так как, что ни село, то сотник, а в некоторых сотнях насчитывалось и по тысяче человек. И так все живое поднялось в казачество и едва можно было найти в каком-либо селе человека, который бы или сам, или сын его не шел в войско. Если же кто оказывался нездоровым, то посылал вместо себя слугу-парня. Бывало и так, что все со двора шли в войско, оставляя лишь одного. Из-за этого трудно было [тогда] нанять батрака»³⁷.

Отдельные высказывания летописца позволяют утверждать, что он стоял на позициях защиты интересов казацкой старшины, осуждения антифеодальных движений масс (Крестьянской войны в России под предводительством С. Т. Разина, действий рядового казачества в период «Черной Рады» 1663 г.). Оценивая события прошлого, глядя на разорение украинских земель из-за постоянных войн вследствие авантюристической политики отдельных гетманов, автор с неодобрением отзывался и о некоторых моментах освободительной войны. Так, резко осуждая сближение этих гетманов с Османской империей и Крымским ханством, он не мог даже Б. Хмельницкому простить его вынужденного союза с Ислам-Гиреем III. В целом Самовидец оценивал события с прогрессивных для своего времени позиций. Он выступал как сторонник союза с Россией, позитивно относился к воссоединению Украины с Россией, осуждал деятельность Ю. Хмельницкого, П. Дорошенко, Д. Многогрешного, И. Самойловича.

Летопись Самовидца оказала влияние на труд Г. И. Грабянки (ум. в 1738 г.) — «Дѣйствія прѣзѣльной и от начала поляков кривавой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского с поляки». «Действия» Грабянки были написаны с целью показать украинский народ «как равный среди других народов» и осветить его борьбу против иностранных завоевателей, подчеркивая заслуги казачества. Во введении Грабянка возмущался тем, что многие его современники, хорошо знающие древнюю историю, пренебрегают героическими делами отцов и дедов. Заботясь о том, чтобы «бессмертная слава» предков не канула в Лету, а также чтобы принести «пользу народу», Грабянка предпринял написание «Действий», в которых освещалась история Украины с 1506 до 1709 года. С 1664 г. изложение ведется в русле привычной летописной формы. Основную часть труда занимают «сказания» — повести, каждая из которых посвящена какому-либо событию, имеет четкую композицию и является логически завершенной, например: «Сказание о различных бранях и оружии козацком и о пище их», «Откуда и чего ради возсташа козаки на поляков?», «Сказание о первой брани козацкой на Желтой Води з ляхами».

Примечательно, что Грабянка большое внимание уделил описанию образа жизни и быта казачества. Он отмечал, что «вследствие многократных браней весьма возросла

³⁶ Мыцьк Ю. А. «Літописец» Дворецких — памятник украинского летописания XVII в. В кн.: Летописи и хроники, 1984. М. 1984.

³⁷ Літопис Самовидця. Київ. 1971, с. 57.

сила и храбрость казаков, они были привычны к голоду, жажде и зною... Их повседневной пищей было редко сваренное заквашенное ржаное тесто, называемое саламаха... Когда же варили с ней и рыбу, то получалась по прозванию казаков щерба, которую они считали наилучшей едой. Казаки живут в куренях по сто пятьдесят человек и более и все питаются одинаково... В [каждом] курене все почитают и повинуются как наивысшему после кошевого атамана начальнику лишь одному старейшине, наиболее искусному в воинских делах... Воровства же и блуда между казаками нет совершенно, а за одну украденную веревку или плетъ, они [провинившегося] вешают на дереве... Оружием у казаков служат самопалы, сабли, обухи, стрелы и копья, которыми они владеют так искусно, что сравняться с ними не может даже лучший польский гусар или немецкий рейтар... Стоит старейшему кликнуть добровольцев, то воинства соберется столько, сколько надо. Хорошо ответили турецкому султану на его вопрос о количестве казачьего войска: «У нас, .. что лоза, то казак, а где байрак, там сотня или две казаков». Все они весьма храбры на войне, .. о них же и турецкий султан сказал: «Когда соседние государства идут против меня войной, я сплю, ничего не слыша, когда же казаки, то вынужден прислушиваться одним ухом»³⁸.

В 17 «сказаниях» освещался ход освободительной войны 1648 — 1654 гг., что не было случайным. Грабянка был представителем казацкой старшины, занявшей ведущее место на украинских землях, воссоединенных с Россией. Поэтому он глубоко интересовался историей освободительной войны, которая покончила с господством Речи Посполитой на значительной части украинских земель и сделала возможным их воссоединение с Россией. Анализируя прошлое, Грабянка ставил его на службу настоящему, доказывал необходимость сохранения автономии Украины. Автор «Действий» не замыкался в узких рамках сословных интересов, выступал как патриот, стремился внести свой вклад в просвещение народа, при оценке событий прошлого стоял в большинстве случаев на прогрессивных для своего времени позициях, подчеркивал огромную роль освободительной войны и воссоединения Украины с Россией, заслуги Б. Хмельницкого как национального героя Украины, позитивное значение русско-украинского боевого содружества в борьбе против Речи Посполитой.

«Действия» получили широкое распространение на Украине XVIII в., до наших дней дошло около 50 списков памятника, представляющих его различные редакции. Труд Грабянки был известен многим видным деятелям культуры России и Украины, в первую очередь Я. П. Козельскому, В. Я. Ломиковскому, А. И. Мартосу, Г. А. Полетики, А. Ф. Шафонскому и др., а в 1793 г. он был даже издан Федором Туманским³⁹. «Действия» Грабянки оказали влияние на украинскую историографию XVIII — начала XIX в., и в первую очередь на «Краткое описание Малороссии».

Особое место в украинской историографии XVIII в. занимает труд С. В. Величко⁴⁰ (1670 — около 1728 г.). Его автор был образованным человеком, владел, кроме украинского, русским, церковнославянским, польским, немецким и латинским языками. Он служил канцеляристом у полковника В. Л. Кочубея, а с 1705 г. — в Генеральной войсковой канцелярии. В 1708 г. Величко был отстранен от должности тогдашним гетманом И. Мазепой и брошен в темницу, из которой вышел семь лет спустя. Остаток жизни Величко провел в с. Жуки под Полтавой, где занимался педагогической деятельностью, переводил с польского и немецкого языков некоторые хроники и космографии. Там же он создал свой труд по истории Украины, в котором освещались события 1647 — 1700 годов.

Еще в начальный период Северной войны будущий историк участвовал в походах казацких частей против шведских войск на территории Правобережной и Западной Украины. Там он увидел страшную картину запустения многих украинских земель, бывших некогда «как вторая земля обитанная, медом и млском кипящая». Потрясенный увиденным, «поболел сердцем и душою», Величко задался вопросом: «з каких причин и чрез кого опустошися та земля наша», но исчерпывающего ответа не смог получить ни от современников, ни от летописцев. Возмущенный «леностью давних пи-

³⁸ Летопись Григория Грабянки. Киев. 1854, с. 19—20.

³⁹ Подробнее об этом см.: А п а н о в и ч Е. М. Рукописная светская книга XVIII в. на Украине. В кн.: Исторические сборники. Киев. 1983, с. 137—187.

⁴⁰ Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Тт. 1—4. Киев. 1848—1864; его же. Сказание о войні козацкой з поляками. Київ. 1926.

сарей», Величко, как «истинный Малія России сын», решил самостоятельно написать труд, в котором нашли бы достойное отражение «рыцарские отваги» предков. При этом он использовал многочисленные письменные и устные источники: документы, украинские исторические и литературные произведения, польские хроники, сочинения античных (Тит Ливий, Тацит), средневековых (Торквато Тассо) и современных Величко авторов. Ряд этих источников не дошел до нашего времени, и оригинальные и важные сведения по истории Украины, содержащиеся в них, сохранены лишь в труде Величко.

Большое значение имеет его сочинение и как памятник исторической мысли и литературное произведение. Изложение событий в нем ведется в светском духе, с позиций прогрессивного прагматизма. Заметно критическое отношение автора к источникам, стремление выделить в них достоверные факты. Величко проявляет интерес к вопросам социальной и классовой борьбы, определяет формы государственного правления, проводит различие между правящими кругами и трудящимися, четко отделяя польских феодалов от народных масс Польши, и по отношению к последним нигде не проявляет враждебности. Немалое внимание уделяя Величко литературной обработке своего труда, который и в этом отношении заслуженно считается наилучшим в украинской историографии XVIII века. Особенно удачными являются исторические повести о Б. Хмельницком, о кошевом атамане Запорожской Сечи Иване Сирко, фантастический рассказ «О Сатире и Люцифере», многочисленные характеристики исторических деятелей.

Сочинение Величко пронизано патриотизмом, стремлением философски осмыслить прошлое, отыскать в нем разгадку многих явлений современной действительности. Все это придавало его труду необычайную актуальность, глубокое общественно-политическое звучание. Автор возвеличивал антифеодальную и освободительную борьбу народных масс Украины против иностранных завоевателей, восхваляя ее вождей—«украинского мессию» Б. Хмельницкого, И. Богуна, М. Кривоноса, подвергал резкой критике агрессивные действия турецких султанов, крымских ханов, польских королей и их военачальников Я. Вишневецкого и С. Чарнецкого, осуществлявших карательные операции на Украине. С болью и гневом Величко писал о предательской политике многих украинских гетманов, разжигавших братоубийственную войну, усобицы, стремившихся порвать союз с Россией и способствовавших своими действиями расколу Украины. Осуждая И. Выговского, Ю. Хмельницкого, П. Тетерю, М. Ханенку, П. Суховия и др.⁴¹, ставя им в вину авантюристическую внешнюю политику, Величко осуждает и внутреннюю политику этих гетманов, а также И. Брюховецкого, Я. Сомка, Д. Многогрешного и И. Самойловича, которая была направлена на укрепление феодальных отношений, усиление эксплуатации народных масс. Здесь выявляются гуманизм и демократизм автора, его сочувствие к трудящимся. Величко не только воспринял демократические традиции общественной мысли Украины, но и развил их, являясь в определенном смысле предтечей известного украинского философа-просветителя XVIII в. Г. С. Сковороды.

Все это позволяет считать обоснованным взгляд на Величко как на представителя интеллигенции, близкой по мировоззрению к народным массам, и отказаться от расхожих стереотипов, определяющих Величко как «казацко-старшинского летописца». К тому же его сочинение выходит за рамки традиционной летописи и представляет собой исторический труд иного типа. Поэтому и его создателя можно назвать летописцем лишь условно, скорее в том смысле, в каком именуют летописцем В. Н. Татищева. Как памятник исторической мысли труд Величко не имеет себе равных в украинской историографии XVIII века. Он оказал глубокое воздействие на творчество ряда историков и писателей.

Процесс превращения летописания в историческую науку протекал противоречиво. Отметим резкое усиление социально-экономического и национально-религиозного гнета на землях Правобережной и Западной Украины, Закарпатья и Буковины, который осуществляли магнатско-шляхетская Речь Посполитая, Венгрия, Османская и Австрийская империи. В этих условиях летописная работа ослабевает, а в некоторых районах

⁴¹ Д з и р а Я. І. Самійло Величко та його літопис.— Історіографічні дослідження в Українській РСР, Київ, 1971, вип. 4.

полностью прекращается. Создаются лишь краткие летописцы⁴², большей частью писанные на польском или латинском языках. На Левобережной Украине, входившей в состав России, тоже усиливается крепостнический гнет. Тем не менее Левобережная Украина находилась в более выгодном положении, чем остальные украинские земли. В результате быстрого развития производительных сил, ремесла и торговли, зарождения буржуазных отношений, укрепления связей между русским и украинским народами значительных успехов достигают там наука и просвещение, которые к тому же частично высвобождаются из-под монополии православной церкви. В связи с этим создается огромное количество исторических произведений, авторами которых в большинстве своем были светские лица, главным образом канцеляристы. Меняется содержание летописей, большее внимание уделяется вопросам современности, а также освободительной войне 1648—1654 г., модернизируются литературная форма и язык⁴³.

Одним из наиболее распространенных летописных памятников становится «Краткое описание Малороссии» (1735 г.), возникшее на основе летописи Грабянки. Известный автор переработал и сократил «Действия», но в то же время продолжил изложение событий до 1735 года. Возник сжатый очерк истории Украины с 1340 по 1735 г., в котором основное внимание уделялось казачеству и его участию в освободительной войне, борьбе против иноземных завоевателей. Краткость и доступность данной летописи делали ее удобной в обращении. Многочисленные ее переписчики и редакторы вносили в текст свои поправки и дополнения. Так, В. Рубан продолжил освещение событий в «Кратком описании Малороссии» до 1770 г., а затем и опубликовал его⁴⁴. Это издание было вскоре переведено на французский язык и издано в Париже в 1788 г., благодаря чему стало известным в западноевропейских странах.

Большой интерес вызывает переработка «Краткого описания Малороссии», предпринятая канцеляристом Г. А. Покасом в 1751 году⁴⁵. Среди сделанных автором дополнений, источником которых послужили непосредственные его наблюдения и рассказы очевидцев, выделяется сообщение об антифеодальном выступлении в с. Прославце в 1738 г.: «Сего года самозванец Иван Минецкий, киевского полка в селе Прославце казнен, живым на кол посажен. И с ним товарищей его 4 человека, в том числе и поп рославский, там же казнены»⁴⁶. Сборник Покаса был, в свою очередь, скопирован в 1756 г. канцеляристом А. Дзивовичем, который приписал несколько важных сообщений: прием гетманом Разумовским кошевого атамана Запорожской Сечи Я. Игнатовича (август 1750 г.), стихийные бедствия в Киеве и Нежине, происшедшие в 1754 году. Е. М. Апанович выявила среди редакций «Краткого описания Малороссии» и такое дополнение, в котором речь шла о событиях 1776 года. Здесь рассказывалось о русско-турецкой войне 1768—1774 гг. и, что особенно важно, упоминалось о Крестьянской войне в России 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева⁴⁷.

В ряде случаев «Краткое описание Малороссии» составляло основу самостоятельных летописных произведений. Примером является «Летописец, или описание краткое знаменательных действ и случаев», «Краткое летоизобразительное знаменитых действ и случаев описание», вариант последнего — Лизогубовская летопись⁴⁸, а также «Повесть о том, что случилось на Украине, с тех пор как она Литвою завладена» (конец XVIII в.). Наряду с «Кратким описанием Малороссии» имели хождение во второй половине XVIII в. и иные летописные труды. Среди них — «Собрание историческое» (1770 г.) прилуцкого полкового обозного С. В. Лукомского⁴⁹, Черниговская летопись в ее второй и особенно третьей редакции, созданной черниговским полковым писарем И. Янушкевичем. Черниговская летопись, в том числе и несохранившиеся ее списки и редакции, оказала серьезное влияние на ряд летописцев XVIII века. К ним относятся «Хронография» Н. Вербовского и ее переяславский вариант — «Краткий малороссий-

⁴² См.: Крипякевич І. П. Літописи XVI—XVIII ст. в Галичині. В кн.: Історичні джерела та їх використання. Вип. I. Київ. 1964.

⁴³ Апанович Е. М. Ук. соч.

⁴⁴ Рубан В. Краткая летопись Малой России. СПб. 1777.

⁴⁵ ОР ГПБ, Ф. IV.312.

⁴⁶ Там же, л. 49.

⁴⁷ Апанович Е. М. Ук. соч., с. 196—199.

⁴⁸ Южпороусские летописи, изданные Н. Белозерским. Вип. I. Киев. 1856; Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси.

⁴⁹ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам.

ский летописец», охватывающие события соответственно 1648—1738 и 1697—1751 годов⁵⁰.

Еще больший интерес вызывает «Летописец краткий», скопированный в 1740 г. И. Ананиевичем. В данном памятнике, охватившем события 862—1739 гг., некоторые известия Черниговской летописи переданы более полно, в том числе такие, которые заимствованы из русского источника. Так, в «Летописце кратком» содержатся сведения о галицком князе Дмитрие Шемяке (под 1445 г.), о происхождении Лжедмитрия I («сын боярский Григорий Андреев»), о Крестьянской войне в России начала XVII в., в которых было зафиксировано враждебное отношение к антифеодальной борьбе народных масс («1608. Приходил изменник к Москве Ивашко Болотников да Петрушка Тушинский з донскими козаками, которые пойманы и казнены»⁵¹). «Летописец краткий» содержит также важные данные об освободительной войне 1648—1654 гг., об антифеодальных восстаниях на Украине в 1663, 1670 и 1684 гг., о гибели под Череповеком летописца Грабянки в 1739 году.

Таким образом, украинское летописание продолжалось вплоть до рубежа XVIII—XIX вв., внося вклад в формирование общественно-политического сознания украинского народа и украинской историографии. Вместе с тем в результате глубоких изменений в социально-экономической, политической и культурной жизни России XVIII в. появляются такие исторические труды, которые имеют больше общего с научными исследованиями, нежели с летописями. К их числу можно отнести сочинение Величко, «Краткое описание о казацком малороссийском народе и о военных его делах» (1765 г.) П. И. Симоновского и «Историю русов» (90-е годы XVIII в.), созданную, вероятно, А. А. Безбородко. Последняя была удостоена высоких оценок А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, И. Я. Франко. Во второй половине XVIII в. начинается творческая деятельность Н. И. Бантыш-Каменский (1737—1814 гг.), появление печатных трудов которого в начале XIX в. совпало по времени с полным прекращением летописной работы на Украине.

Украинское летописание XIV—XVIII вв. выросло на почве летописания Древней Руси и продолжало, равно как русское и белорусское, его традиции. На протяжении столетий украинские летописи претерпевали изменения, отражавшие опыт поколений, развитие исторической, общественно-политической и литературной мысли, контакт с летописанием других восточнославянских народов, а также Литвы и Польши. Хотя мировоззрение авторов летописей в большинстве случаев отражало идеологию правящего класса, летописцы в целом чаще выступали с прогрессивных для своего времени позиций, бичуя иностранных завоевателей, прежде всего из магнатско-шляхетской Речи Посполитой, и католическую экспансию, агрессивную политику Османской империи и Крымского ханства. Они возвеличивали освободительную борьбу украинского народа, поддерживали воссоединение Украины с Россией, способствовали укреплению дружбы между восточнославянскими народами. Эти летописцы запечатали для потомков многие факты отечественной истории. Украинские летописи имеют непреходящее значение не только как источники, но и как памятники общественно-политической, исторической мысли и литературы. Они сыграли также определенную роль в развитии культурных и политических связей между братскими восточнославянскими народами.

⁵⁰ Днепропетровский областной исторический музей, Отдел рукописей, № Арх.—1532, лл. 92—94; ОР ГПБ, F.IV.813, лл. 1—4об.

⁵¹ ОР ГПБ, F.IV.889, л. 30—31об.